

ГРОДНЕНСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ВЪДВОЖЕСТІЕ

ВЫХОДЯТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ РЕДАЦІИ:
Купеческая ул. Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

№ 36.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается:
За одинъ разъ 10 коп.
• два раза 15 •
• три раза 20 •

ОТДѢЛЪ I ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.

Резолюціей Его Превосвѣщенства отъ 28 августа за № 2698, псаломщицъ церквей: Житинской, Слонимскаго уѣзда, Константинъ Хруцкій и Телятичской, Врестскаго уѣзда, Викентій Хруцкій, согласно прошенію, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

НЕКРОЛОГЪ.

27-го августа сего года скончался заштатный священникъ Коппевской церкви, Гродненскаго уѣзда, Димитрій Ястребовъ на 86 году жизни.

Вакантныя мѣста.

Священника: въ с. Самогрудъ, Сокольскаго у. (2).

Псаломщина: въ с. Городкъ, Бѣлостокскаго у. (2).

ОТДѢЛЪ II НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРОНИКА.

Всабдствіе постигшаго Его Императорское Высочество Великаго Князя Михаила Николаевича, Высочаго Покровителя Гродненскаго Софійскаго Православнаго Братства, недуга, въ воскресенье, 24-го августа, въ Гродненскомъ

кафедральномъ соборѣ, послѣ окончанія божественной литургии, въ присутствіи многихъ братчиковъ и братицъ, было совершено молебствіе объ исцѣленіи Августѣйшаго Покровителя Братства и затѣмъ на имя Его Высочества была въ Михайловское послана слѣдующая телеграмма:

«Помолившись Богу о ниспосланіи Вашему Высочеству скораго и полнаго исцѣленія, Софійское Православное Братство свидѣтельствуетъ Вамъ, своему Августѣйшему Покровителю, благожелательныя чувства любви и преданности.

Почетный Предсѣдатель Братства Епископъ *Іоакимъ*.

Предсѣдатель Совѣта *Михаиль Столяновскій*.

Въ тотъ же день Его Превосвѣщенствомъ было получено телеграммой отвѣтъ:

«Братья и Я тронуты Вашими молитвами. Сообщишь Вашу телеграмму, какъ только Батюшкѣ будетъ, Богъ дастъ, лучше.

Георгій».

— 29 августа, наканунѣ праздника св. Александра Невскаго всенощное бдѣніе и въ день праздника 30-го августа—божественную литургію Его Превосвѣщенство совершилъ въ св. Александро-Невской церкви, въ сослуженіи: о. архимандрита Василя и священниковъ—о. С. Иваницы, о. Александра Лечицкаго и о. Н. Гаварина. Почтеніе произнесено свящ. о. А. Лечицкимъ. Къ молебствію прибыло и прочее градское духовенство.

— 31 августа Его Превосвѣщенство совершилъ освященіе ново-построеннаго каменнаго зданія церковно-приходской школы при Забѣманской Св.-Владимирской церкви.

Слово въ день усѣкновенія честныя главы св. славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.

ЛЮБИМЫЕ, братіе христіане, мы воспоминаемъ глубоко-скорбное событіе, происшедшее въ дни общественаго служенія на землѣ Господа Нашего Іисуса Христа.

Величайшій изъ пророковъ, больше котораго, по словамъ Спасителя, не было среди рожденныхъ женами, другъ Христовъ и Его Креститель, безстрашный обличитель неправды, въ комъ бы онъ эту неправду ни замѣчалъ, великій учитель покаянія, своею проповѣдью трогавшій сердца людей всякаго положенія, умеръ въ темницѣ, гдѣ ему, по повелѣнію нечестиваго царя Ирода Антипы, была отсѣчена Честная Глава. Подробное повѣствованіе объ обстоятельствахъ мученической кончины св. пророка даютъ намъ св. Евангелисты Матвей и Маркъ. Они передаютъ намъ, что Иродъ Антипа, сынъ того Царя Ирода, который избилъ 14 тысячъ младенцевъ, желая въ числѣ ихъ погубить Богомладенца Іисуса Христа, при жизни брата своего Филиппа, женился на его женѣ Иродіадѣ. Великій пророкъ не разъ обличалъ Галилейскаго Царя Ирода Антипу за такое его нечестіе, говоря ему: „не должно тебѣ имѣть жену брата твоего“. За такое обличеніе Иродъ, ставшій рабомъ низкой страсти, въ угоду злой Иродіадѣ, заключилъ свят. пророка въ темницу. Но этого было мало нечестивой и жестокой Иродіадѣ: она жаждала смерти обличителя своего беззаконія. Скоро для мстительной женщины представился удобный случай. Въ день празднованія своего рожденія Иродъ устроилъ блестящій пиръ вельможамъ своимъ, тысяченачальникамъ и старѣйшинамъ Галилейскимъ. Среди пира явилась дочь Иродіады и плясала предъ собраниемъ и своею пляскою такъ угодила Ироду и возлежащимъ съ нимъ, что царь клялся дать ей, чего она ни попроситъ,—даже до половины царства. Она вышла и спросила у матери своей: чего ей проситъ. Та отвѣчала: Головы Іоанна Крестителя. И дочь тотчасъ пошла съ поспѣшностью къ царю и пришла, говоря: „хочу, чтобы ты далъ мнѣ теперь на блюдѣ голову Іоанна Крестителя“. Царь опечалился, но ради клятвы и ложнаго стыда предъ возлежащими не захотѣлъ отказать дѣвицѣ и тотчасъ послалъ въ темницу оруженосца съ приказомъ отсѣчь главу Іоанну. Оруженосецъ исполнилъ приказъ царя, отсѣкъ главу Іоанну, принесъ ее на блюдѣ, отдалъ ее дѣвицѣ, а дѣвица отдала ее матери своей.

Такъ просто и спокойно передано св. Евангелистами великое злодѣяніе, совершенное Иродомъ въ день торжественнаго празднованія своего рожденія. Но въ этомъ спокойномъ повѣствованіи св. Евангелистовъ какая мрачная картина почти безпросвѣтной нравственной тьмы предносится нашему уму!

Какъ глубоко, значить, люди погрязли въ тинѣ своихъ низкихъ страстей, когда Царь Галилейскій, ставъ рабомъ низкой страсти къ распутной женщинѣ, рѣшается торжественный день своего рожденія омрачить кровавымъ дѣломъ,—убійствомъ того, кого онъ почиталъ, какъ великаго праведника, чьи наставленія въ иныхъ случаяхъ онъ слушалъ съ удовольствіемъ.

Какъ нравственно грубы были, какъ непробудно жестоки были всѣ присутствующіе на пирѣ знатные гости Ирода, когда среди нихъ не нашлось никого, кто бы

удержалъ Ирода отъ его злодѣянія въ такой торжественный для него день!

Какъ пала чистота брачной жизни, когда царь не стѣсняется на виду у своихъ подданныхъ имѣть свою женою жену своего родного брата, еще при жизни его!

Какую, Іюльную легкомыслія, разсыянности, беззаботнаго веселія и безсердечія школу воспитанія проходили дѣти знатныхъ родителей, когда дочь царицы съ легкимъ сердцемъ принимаетъ совѣтъ матери просить у отца принести въ среду пира на блюдѣ голову величайшаго праведника, только бы закрыть на всегда уста, обличавшія распутство матери!...

Отъ того отдавленнаго времени, когда Господь нашъ Іисусъ Христовъ, Воплотившеся Вѣчное Слово Божіе,—совершалъ наше спасеніе, озаряя нравственную тьму людей своимъ спасительнымъ свѣтомъ, перенесемся къ нашему времени, взглянемъ бѣгло на картины нашихъ нравовъ. Все ли въ нашей жизни, въ жизни современныхъ намъ людей, считающихъ себя послѣдователями Божественнаго Учителя, благополучно? Просвѣщена ли нравственная тьма сердецъ человѣческихъ свѣтомъ Евангельскимъ, свѣтомъ Христовой правды, свѣтомъ всепрощающей любви?

О, какъ бы намъ хотѣлось отвѣтить на этотъ вопросъ утѣшительнымъ „да“.

Но, увы! врагъ рода человѣческаго не перестаетъ сѣять плевы среди пшеницы, не перестаетъ пользоваться безпечностью людей, считающихся христіанами, но ушедшихъ отъ истиннаго смысла ученія Христова въ страну далекую, гдѣ, на просторѣ, не стѣсняемые игомъ Заповѣдей Христовыхъ, они расточаютъ свое нравственное достоинство, погашая въ себѣ образъ Божій, осуетившись въ своихъ мысляхъ до отрицанія всего чистаго, святаго, всего добраго, словомъ—всего Божьяго.

Кому не приходится нынѣ читать, или слышать о такихъ фактахъ извращенія нравственной природы человѣка, которые наводятъ на самыя грустныя размышленія, заставляя нашъ простой вѣрующій народъ спрашивать себя: „ужъ не послѣднія ли времена пришли“?!

Наблюдаемъ ли мы вокругъ себя чистоту нравовъ, видимъ ли мы среди себя частые примѣры истинной борьбы людей съ своими низменными наклонностями, похотями и страстями? Не чаще ли, наоборотъ, встрѣчается неизвинительное раболѣзство злу?

Могутъ ли современные христіане похвалиться крѣпостью брачныхъ узъ, чистотою супружеской жизни, уваженіемъ святости брака, преклоненіемъ предъ чистотою нравовъ? Не наблюдаемъ ли мы самыхъ печальныхъ картинъ семейнаго разлада, шаткости семейныхъ началъ, легкости отношенія къ семейнымъ обязанностямъ, самаго беззастѣнливаго нарушенія обѣтовъ взаимной супружеской вѣрности?

Правильно ли идетъ у насъ воспитаніе дѣтей въ семьяхъ? Знаютъ ли матери свои великія отвѣтственныя материнскія обязанности къ дѣтямъ, а зная объ нихъ, исполняютъ ли ихъ. Не увлекаются ли часто онѣ забавами жизни, легкомысліемъ, погоней за веселымъ, беззаботнымъ и празднымъ времяпровожденіемъ въ ущербъ истинному благу своихъ дѣтей? Не тяготеютъ ли онѣ своими дѣтьми—этимъ великимъ даромъ Божіимъ?

Всегда ли дѣти наши радуютъ своихъ родителей послушаніемъ и ибъжнымъ почтеніемъ къ нимъ? Наоборотъ, не жалуются ли сами родители на отсутствіе въ ихъ дѣтяхъ хорошаго воспитанія, на недостатокъ тѣхъ добрыхъ

качества, которыя должны украшать дѣтскій возраст?.. А наши отношенія къ своимъ ближнимъ? Всегда ли царить въ нихъ всепрощающая Христова любовь? Всегда ли сѣбѣшимъ мы спасать своего ближняго, стоящаго на краю нравственной пропасти? Не толкаемъ ли мы, наоборотъ, этого своего ближняго такъ или иначе въ эту пропасть? Безпокоитъ ли насъ горе нашего ближняго, какъ бы велико оно ни было? Вызываетъ ли насъ своимъ несчастьемъ нашъ ближній на сочувствіе къ себѣ, на готовность искренно притти къ нему на помощь? Не часто ли, вмѣсто сочувствія къ себѣ, нашъ ближній встрѣчаетъ въ насъ если не явное, то внутреннее заорядство?

Итакъ, наша жизнь, — нужно сознаться, — хотя мы и живемъ въ 20-мъ Христовомъ вѣкѣ, не чужда еще тѣхъ печальныхъ отраженій языческой тьмы, которая охватила міръ ко дню пришествія Спасителя. Не даромъ наша св. церковь установила ежегодно 29 августа напоминать своимъ вѣрнымъ чадамъ объ усѣкновеніи честнаго главы Иоанна Крестителя, призывая вѣрующіхъ для живого участія въ страданіяхъ и смерти Крестителя, проводить этотъ день въ строгомъ постѣ и въ воздержаніи отъ увеселеній...

Да послужитъ же намъ всѣмъ, братіе, нынѣ воспоминаемое событіе благимъ урокомъ. Да усилитъ оно въ насъ ревность о христіанскомъ просвѣщеніи своихъ душъ. Да подвигнетъ оно насъ изгонять изъ своихъ сердецъ все, что не Христово, что является отраженіемъ духа злобы, неправды и всякой нечистоты. Да вселится богато въ сердцахъ нашихъ духъ смиренія, духъ всепрощающей Христовой любви и Иоанновой правды. Аминь.

Свящ. В. Левицкій.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ

ЗАМОЙСКАГО УНИАТСКАГО ПРОВИНЦІАЛЬНАГО СОБОРА.

(1720 г.).

(Продолженіе *).

Извѣстно, что до временъ униі и на первыхъ ея порахъ положеніе благаго клира въ западно-русской церкви было болѣе или менѣе завиднымъ. Оно не чувствовало себя въ подавляющей зависимости отъ епископовъ, равно какъ епископы — отъ митрополита. Между епископами и духовенствомъ существовала тѣсная связь, любовь и дружба, побуждавшая взаимно отстаивать и защищать интересы другъ друга. Духовенство выставляло изъ своей среды кандидата въ епископа, который послѣ избранія его ipso долженъ былъ дѣйствовать въ пользу избраннаго его духовенства, а это послѣднее считало своимъ долгомъ постоянно за интересы епископа. Дѣти духовенства воспитывались въ школахъ, устроенныхъ заботами епископа и «клерошанъ», т. е. соборнаго духовенства²¹¹⁾ и, такимъ образомъ, кандидаты во священство были подготовленными къ пастырскому служенію. При сравнительно высокомъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ благаго клира,

и матеріальное состояніе его было болѣе или менѣе обезпеченнымъ. Конечно, были и тѣнныя стороны въ отношеніяхъ между епископами и низшимъ духовенствомъ, и не всегда свѣтскій клиръ наслаждался довольствомъ и спокойствіемъ, столь необходимымъ для успѣшнаго прохожденія священнаго сана. Но при всемъ томъ общая картина положенія благаго духовенства остается удовлетворительною. Мѣняется она, и притомъ весьма рѣзко, со времени учрежденія базилианскаго ордена, нанесшаго рѣшительный ударъ самостоятельности благаго униатскаго духовенства. Митрополитъ Рутскій прежде всего постарался подорвать матеріальное благосостояніе благаго клира. Онъ открыто началъ отнимать у благаго ун. духовенства церковныя имѣнія и цѣлыя приходы и отдавать ихъ въ руки базилианъ. На Кобринскомъ соборѣ 1626 года онъ провелъ постановленіе, чтобы во всѣхъ епархіяхъ священники отказались, въ пользу имѣющей открыться семинаріи, отъ владѣнія пожертвованными имъ приходомъ имѣніями (фундушами), и привилегіи на эти имѣнія или фондуши передали въ руки своихъ епископовъ²¹²⁾. Вѣроятно, эта затѣя Рутскаго была несомнѣнно удачна, потому что онъ вскорѣ придумалъ другую, болѣе хитрую и коварную мѣру. Прямое повелѣніе отнимать у клира то, что было дано ему королями и патронами, равнялось похищенію чужой собственности, слѣдовательно, духовенство смѣло могло не слушаться распоряженій собора. Въ виду этого Рутскій въ 1631 году выпросилъ у короля привилей на покупку, продажу, обмѣнъ и всѣ возможныя операціи въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ бѣлому духовенству²¹³⁾. Пользуясь этимъ привилеемъ, митрополитъ Рутскій совершенно оборвалъ церковныя приходы, такъ что скоро затерялись всѣ слѣды первоначальныхъ фундацій. Въ такомъ же направленіи дѣйствовали по отношенію къ низшему униатскому духовенству и нѣкоторые преемники митр. Рутскаго (Антоній Селява, Жоховскій), такъ что къ XVIII вѣку рѣдко какая церковь и причтъ пользовались доходами съ церковныхъ фундацій. Изъ жалобы Щигельскаго, поданной въ 1775 году въ Виленскую консисторію отъ имени униатскаго благаго духовенства, видно, что базилиане въ Литвѣ захватили самыя знатныя церкви со всѣми принадлежавшими имъ зданіями, землями, богатствами²¹⁴⁾. О томъ же говорить и жалоба ун. духовенства (1747 года) гор. Львова, Галича, Перемышля и др.²¹⁵⁾. Вѣдственное положеніе благаго униатскаго клира усугублялось наѣздами, грабежами и насиліями польскихъ пановъ и шляхтичей, игравшихъ роль патроновъ, которые вмѣсто того, чтобы защищать духовенство и обезпечивать приходы и монастыри, грабили церковное имущество и отнимали фондуши. Проектъ уничтоженія униі 1717 г. предлагаетъ польскому обществу нарочно держать въ бѣдности ун. поповъ, такъ какъ въ этомъ, по мнѣнію автора, заключается самое дѣйствительное средство для искорененія греческаго обряда въ униі. Между различными способами къ матеріальному угнетенію благаго ун. духовенства проектъ рекомендуетъ, между прочимъ, и такіе: уничтоженіе дарственныхъ записей на земли и угодья въ пользу униатскихъ церквей, установленіе платы за презенты или одобрительные листы, безъ обозначенія однакожъ въ нихъ всѣхъ церковныхъ

²¹¹⁾ Стрѣльбицкій, Ун. церк. соборы съ кон. XVI в., стр. 74—76.

²¹²⁾ Христ. чт., 1864 г., апр., 422.

²¹³⁾ Уг. общ. вст. и архив., 1871 г., кн. II, отд. I, стр. 207.

²¹⁴⁾ Ibid., стр. 208.

* См. Гродн. Епарх. Вѣд. № 34.

²¹⁵⁾ Христ. чт., 1864 г., апр., стр. 419—420.

имущество; возбужденіе соперничества между евреями и понами въ сельскомъ хозяйствѣ, назначеніе за всѣ церковныя требы опредѣленной платы въ синодахъ католическихъ епископовъ, возбужденіе русскихъ крестьянъ къ отказу въ этой платѣ и др.²¹⁶). За одно съ помѣщиками дѣйствовало и латинско-польское духовенство. Латинское духовенство пользовалось всевозможными случаями, чтобы отнять и перевести на костелы богатые церковные фонды и угодья. Особенно оно было жадно къ десятинамъ, получаемымъ уніатскимъ духовенствомъ и составлявшимъ главную поддержку ихъ матеріальнаго быта. Изъ-за десятины даже поднята была цѣлая процессія между уніатскимъ и латинскимъ духовенствомъ; два уніатскіе епископа (Яковъ Суша и Меоодій Терлецкій) ѣздили для улаженія этого спора въ Римъ и, благодаря только этому обстоятельству, тяжба о десятинахъ кончилась (въ 1665 году) съ успѣхомъ для уніатскаго духовенства²¹⁷). Конечно, ксендзы и высшіе прелаты польскіе мало обращали вниманія на это запрещеніе и по прежнему продолжали требовать десятины²¹⁸). И бѣлое духовенство безсильно было сдѣлать что-нибудь противъ столь насильственнаго и безцеремоннаго грабежа. На жалобы притѣсняемыхъ и разоряемыхъ священниковъ никто не обращалъ вниманія, потому что польское духовенство, иезуиты и даже польское правительство, несмотря на то, что само же давало нѣкоторыя льготы уніатскому духовенству²¹⁹, дыша къ нему ненавистью и презрѣніемъ, старалось всѣми мѣрами унижить и совершенно подавить ихъ какъ самый важный оплотъ православія, чѣмъ сознавали сами латиняне: «схизматики совершенно зависима отъ своихъ поповъ, — писалъ въ 1621 году апостольскій нунцій de Torres, — они имъ послушны и руководятся ими; если бы можно было переиграть ихъ на свою сторону, то и паства послѣдовала бы за ними»²²⁰). Точно также безуспѣшны были и искн бѣлаго духовенства противъ базилианъ. Имѣя входъ въ епархіальные архивы и, по должности визитаторовъ, въ приходскія книгохранилища, базилиане старались захватывать всѣ попадавшія подъ руки эрекціонныя грамоты или дарственные записи и, такимъ образомъ, лишали законной силы всякія противъ нихъ представленія и искн. Они даже не стѣснялись составлять подложныя грамоты, которыя давали имъ право на законное владѣніе известными фондами и приходами²²¹). Обезсилению бѣлаго уніатскаго духовенства въ матеріальномъ отношеніи много содѣйствовало еще и то, что базилиане завладѣли всѣми іерархическими и должностными мѣстами, которыя по каноническому праву, должны оставаться за свѣтскимъ клиромъ. Не говоримъ о томъ, что въ ихъ рукахъ оставались такія вліятельныя должности, какъ оффиціала, архидіакона, визитатора и под.; во многихъ мѣстахъ базилиане даже занимали должности декановъ, вице-декановъ и викаріевъ, и владѣли всѣми болѣе или менѣе богатыми сельскими приходами. Что происходило вслѣдствіе контроля базилианъ, всегда относившихся съ презрѣніемъ къ свѣтскому духовенству, — известно: церковныя вещи обращались въ собственность базилианъ, зданія церковныя продавались или отдавались въ аренду

евреямъ, налагались незаконные поборы²²²) и т. д. Словомъ, базилиане только увеличивали мѣру страданій, униженій бѣлаго ун. клира и въ концѣ концовъ довели его до полнаго разоренія и бѣдности.

На ряду съ порабощеніемъ матеріальнымъ шло порабощеніе бѣлаго уніатскаго духовенства со стороны базилианъ и въ умственномъ отношеніи. На протяжении XVII и начала XVIII вѣка было нѣсколько попытокъ основанія семинарій (Минской—1626 г., Шверненской и Перемышльской) для бѣлаго клира²²³), но всѣ эти попытки, благодаря интригамъ базилианъ, не получали желательнаго осуществленія. Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній для прощенія бѣлаго ун. духовенства около Львовѣ Замоискаго собора были: панскій алломнатъ во Львовѣ и Владимирская семинарія. Специальныхъ высшихъ школъ не существовало, а среднія и низшія, куда бѣлое духовенство могло бы посылать своихъ дѣтей для первоначальнаго обученія, всѣ находились въ завѣданіи базилианъ. Но базилиане неохотно и въ рѣдкихъ лишь случаяхъ принимали въ свои училища дѣтей бѣлаго клира, а всѣ пожертвованія для этой цѣли обращали въ свою пользу. По словамъ Цигельскаго, базилиане не заботились о томъ, чтобы приходскій священникъ былъ образованъ, полезенъ Богу и церкви, и воспитанниковъ заставляли заниматься болѣе услуженіемъ себѣ, чѣмъ наукой; объ одномъ, главномъ образомъ, они заботились, чтобы бѣлый клиръ оставался въ глубочайшемъ невѣжествѣ (in crassitudine) и въ высшей степени неразвитымъ, такъ чтобы даже не могъ сознавать огромности и тяжести нависшихъ ему обидъ, а тѣмъ болѣе не въ силахъ былъ искать справедливости²²⁴). Почему базилианамъ было противно видѣть образованныхъ священниковъ среди бѣлаго уніатскаго духовенства, это вполне понятно: только невѣжество этого духовенства могло давать просторъ безпрепятственному распоряженію базилианскаго ордена, развитію его самостоятельности и захвату преобладающаго вліянія въ дѣлахъ уніатской церкви. Крѣпко держа низшее бѣлое уніатское духовенство въ грубомъ невѣжествѣ, базилиане уже этимъ самымъ отклоняли возможность серьезной оппозиціи себѣ со стороны этого духовенства, не боясь оной даже въ случаѣ нанесенія бѣлому уніатскому духовенству самыхъ жестокихъ обидъ: послѣднее, очевидно, не могло бороться съ базилианами, не имѣя для этого средствъ, вслѣдствіе своей матеріальной нищеты, и не зная, что предпринять и гдѣ искать себѣ справедливости и защиты, по причинѣ своего грубаго невѣжества. Даже польскіе писатели, какъ напр. Лукашевичъ, замѣчая, что бѣлое уніатское духовенство было крайне невѣжественно, объясняли это дѣйствіями базилианъ, крайне пренебрегавшими бѣлымъ клиромъ²²⁵). Сами папы не разъ вынуждаемы были, но жалобамъ епископовъ, заступаться за бѣлое духовенство, несмотря на то, что они сильно были привержены къ базилианамъ²²⁶).

Слѣдствіемъ такого матеріальнаго и умственнаго гнета былъ крайній нравственный упадокъ бѣлаго уніатскаго духовенства. Матеріальная нищета и невѣжество привели его къ безобразіямъ, нерадѣнію о достоинствѣ

²¹⁶) Праз. обзор., 1874 г., май, стр. 349.

²¹⁷) Устемичъ, Очеркъ исторіи зап.-рус. церкви, т. II, стр. 386.

²¹⁸) Холм. вѣстн., 1868 г., стр. 113.

²¹⁹) Арх. юго-зап. Р., т. IV, ч. I, № СХХХІІІ.

²²⁰) Peletz, b. II, s. 140.

²²¹) Чтен. общ. ист. и др., 1871 г., кн. II, отд. I, стр. 208—209.

²²²) Ibid., стр. 208—209.

²²³) Лит. Епарх. Вѣд., 1874 г., № 19, стр. 156—157. Чт. общ. ист. и др., 1871 г., кн. II, отд. I, стр. 210.

²²⁴) Чт. общ. ист. и др., 1871 г., кн. II, стр. 210.

²²⁵) См. въ Лит. Епарх. Вѣд., 1880 г., № 20, стр. 163.

²²⁶) Peletz, Geschichte der Union, b. II, s. 276—277.

своего сана и зазорной жизни: «karnosé i subordynacya w klerze niższym osłabiona; niewiadomość i ciemnota powszechnie panująca, moralność prawdziwa ledwo nierównocześnie zaniedbana»²²⁷). Такъ какъ во священники поступали «невъзды и простецы», люди бездарные и простые, то нечего говорить, что религиозные интересы оставались такими лицами совершенно въ сторонѣ. На священство они смотрѣли, какъ на выгодное ремесло, изъ котораго старались извлечь всевозможную пользу. Авторъ Шематизмовъ такими красками изображаетъ состояние блага униатскаго духовенства предъ Замойскимъ соборомъ: «темне и безъ всякой науки было оно, отдавало ся наизышамъ працамъ и заробкамъ, и ничимъ, навѣтъ одежу не отрожило ся оно отъ простолудина; а о карности, о субординаціи священнической, и о моральности его то такой и нищо говорити»²²⁸).

Не лучше было положеніе и монаховъ тѣхъ монастырей, которые не входили въ составъ Троицкой базилианской конгрегации²²⁹). Объ этомъ можно судить по запискамъ Уневскаго собора, бывшаго въ 1711 году подъ предсѣдательствомъ Львовскаго епископа Варлаама Шенцицкаго²³⁰). Монахи указанныхъ монастырей подвергались преслѣдованіямъ латинско-польскаго общества и базилианъ наравнѣ съ прочимъ низшимъ ун. духовенствомъ. Базилиане всѣми мѣрами старались обезсилить эти монастыри въ матеріальномъ и дисциплинарномъ отношеніи, чтобы тѣмъ легче поставить ихъ «подъ зарядъ протоархимандрита» ордена. Слѣдствіемъ отчасти этого давленія, отчасти по привычѣ общаго стѣснительнаго и приниженаго положенія униатовъ въ Царствѣ Польскомъ, и было то, что монастыри епархій, сохранившихъ еще свою отдѣльность отъ базилианскаго ордена, находились «in tristissimo statu, nulla intra monachos disciplina religiosa, nulla sanctitas, nulla doctrina vigeat»²³¹). Рѣдко кто изъ монаховъ могъ пробыть долго на одномъ и томъ же мѣстѣ. Они постоянно переходили изъ одного монастыря въ другой, — эти переходы приняли столь широкіе размѣры, что Замойскій соборъ долженъ былъ издать противъ нихъ особое постановленіе (гл. II), — поступали викарными къ приходскимъ священникамъ, бродили («волочать ся») по мѣстечкамъ и селамъ, основывали, безъ всякаго позволенія мѣстной гражданской и епархіальной власти новыя монастыри, не надбавивъ ихъ никакими источниками содержанія и под. Нищета доходила до того, что монахи должны были высылать монастырскихъ слугъ на заработки къ помѣщикамъ. Занятые собственнымъ прокормленіемъ, они, конечно, не могли думать о религиозномъ образованіи своего сердца и ума, — да не было и людей, которые бы достойны были стать руководителями другихъ въ благочестивой жизни. Монастыри наполнялись въ большинствѣ случаевъ не лицами, искавшими аскетическаго уединенія, «безмолвнаго и пустыннолюбнаго святобываго житія», а празднующими и честолюбцами, производившими всякія «самовольства и безчинія»²³²). При такихъ условіяхъ, конечно, монашеская дисциплина

находилась въ крайнемъ упадкѣ. Ни въ чемъ и нигдѣ не было порядка, ни въ трапезѣ, ни въ церкви, ни въ новиціатахъ, если такіе существовали. Одежду же носилъ какую кто хотѣлъ, давая полный просторъ своимъ вымысламъ: «выкочають по нѣкоторыхъ мѣсяцахъ иноки отъянного заживаючи габты, зачимъ», постановляетъ Уневскій соборъ, «габты иноческой повиненъ бути належитый ведуть иноческаго чину св. Василія Великаго, захованыи безъ жадныхъ вымысловъ або пестрокъ, клобуки, подкапки, сутаны, мантинъ належити чернии, поясы ремѣнии гладкии негафтованыи або зъ крайки черной; также сандалы безъ шпелыкихъ вымысловъ быти мають»²³³).

Какія же были слѣдствія для униатской церкви такого угнетеннаго положенія низшаго духовенства? Прежде всего и ближайшимъ образомъ это вело къ ослабленію и упадку церковной дисциплины. Базилиане, какъ мы видѣли, устранили, по возможности, лучшихъ, способныхъ, благонамѣренныхъ кандидатовъ, и дѣляли священниками людей, большею частью, дворовыхъ, полуграмотныхъ. Не имѣя со стороны никакого подспорья и содержались исключительно на скудныхъ приношеніяхъ прихожанъ за требоисправленія, свѣтскіе священники должны были все свое время отдавать добыванію куска хлѣба. Очевидно, мѣста ревностному и добросовѣстному исполненію пастырскаго долга не оставалось, — впрочемъ, не было даже надлежащаго сознанія высоты и отвѣтственности этого долга. Отсюда церковная жизнь того времени поражаетъ насъ весьма многими непріглядными явленіями, всецѣло обусловливавшимися указаннымъ матеріальнымъ, умственнымъ и нравственнымъ угнетеніемъ блага униатскаго духовенства. Рѣдко случалось, что священники униатскіе, обездоленные нуждою, оставали свои церкви и бѣгали ради поживы къ сосѣдніе латинскіе приходы, гдѣ за извѣстное вознагражденіе отъ ксендза и параіанъ, совершали литургіи, принимали на исповѣдь и исполняли другія церковныя требы²³⁴). Сами не совершая у себя богослуженій, они для своихъ прихожанъ въ случаѣ нужды пользовались частіями пророфры, омовенными въ освещенномъ латинскимъ ксендзомъ винѣ, — противъ этого обычая Замойскій соборъ направилъ, какъ увидимъ ниже, особое постановленіе (гл. 3, § 4). Если же и совершалось когда богослуженіе въ приходской церкви, — хорошо еще, если въ воскресные и праздничные дни, — то оно отправлялось на скорую руку, иногда въ пьяномъ видѣ, съ самыми неопозволительными сокращеніями. Прежде чѣмъ совершить литургію или другое какое-либо богослуженіе, священникъ долженъ былъ заблаговременно поискать дьячка, сколько-нибудь знающаго церковный уставъ и пѣніе. Поиски часто оказывались напрасными, ибо если трудно было среди священниковъ найти мало-мальски образованныхъ или, по крайней мѣрѣ, грамотныхъ людей, то тѣмъ менѣе можно было найти дьячковъ, знающихъ церковныя службы и пѣніе²³⁵). Бывали и такія явленія: священникъ задолго до литургіи посылалъ кого-нибудь въ церковь для совершения вмѣсто себя проскомидіи, т. е. приготовленія жертвенныхъ даровъ, или же безъ всякихъ облачений совершалъ ее у себя дома (Замойскій соборъ сильно вооружается противъ обычая совершать литургію

²²⁷) Ostrowski, Dzieje i prawa kości. polsk. t. III, str. 649—650.

²²⁸) Шематизмъ провинціи св. Спас. чина Вас. Вел. въ Галиціи, изданный въ 1886 г., стр. 265.

²²⁹) Такіе монастыри много было въ епархіяхъ Перемышльской, Луцкой, Львовской и большей части Владимирской и Холмской — Труд. Киев. д. акад., 1870 г., ноябрь, стр. 404.

²³⁰) Шематизмъ... 1886 г., стр. 261—264. Peless, Geschichte der Union. b. II, s. 464—465.

²³¹) Шематизмъ... 257 стр.

²³²) Ibid., стр. 263.

²³³) Ibid., стр. 264.

²³⁴) Чт. общ. ист. и древн., 1871 г., кн. II, стр. 216.

²³⁵) Ibid., 217 стр.

въ частных домахъ, безъ разрѣшенія епископа—гл. 3, § 4); въ такихъ случаяхъ вино вливали въ особый сосудъ, прибавляли къ нему немного воды и затѣмъ вливали все это, какъ уже приготовленное,—въ чашу. Вино не всегда отличалось доброкачествомъ, также какъ и литургійный хлѣбъ, безразлично—квасный или прѣсный, покупаемый обыкновенно у евреевъ²³⁶). Что касается другихъ церковныхъ службъ, какъ напр., утрени, вечерни, то онѣ были мало извѣстны священникамъ, тѣмъ болѣе простому народу. Сама литургія утратила свой православный характеръ, такъ какъ почти повсемѣстно совершалась шепотомъ²³⁷). Латинскія тихія или шептанныя литургіи были очень сподручны униатскимъ священникамъ: люди они были большею частью полу-грамотные и потому не могли открыто съ пѣніемъ совершать ее; неточности и ошибки священника, совершающаго тихую литургію, была извѣстны одному только Богу. Проповѣданія слова Божія, поученія и наставленія прихожанъ въ истинахъ вѣры, конечно, не было, ибо сами пастыри нуждались въ наученіи и наставленіи; если же и являлись среди нихъ люди свѣдущіе, то имъ некогда было заниматься всѣмъ этимъ²³⁸). Народъ, какъ и индѣ его прелазящіе пастыри, коснѣлъ въ страшномъ невѣжествѣ, больше и охотѣе посѣщали латинскіе костелы, куда его привлекали стройные звуки органа и изстуженная проповѣдь всенда-фанатика, чѣмъ свою церковь, убогую во всѣхъ отношеніяхъ и похожую скорѣе на еврейскую синагогу или скотный сарай, чѣмъ на храмъ Божій. Неудивительно послѣ этого, что въ русской униатской церкви стали прививаться многіе чисто латинскіе обряды и обычаи. Самый языкъ богослужебный—церковно-славянскій теперь находился въ крайнемъ забвеніи. Не говоримъ о томъ, что его не знали и не понимали простой народъ, давшій въ своемъ будничномъ обиходѣ полное право гражданства польскому языку (по крайней мѣрѣ, въ такихъ областяхъ, какъ Литва и Подлясье), сдѣлавшемуся послѣ распоряженія 1697 г., даже языкомъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій литовско-русскаго края²³⁹). Сами униатскіе священники являлись большею частью совершенными невѣждами въ церковно-славянскомъ языкѣ и служили литургію по тетрадкама, въ которыхъ славянскія слова были писаны польскими буквами. Такіе приемы практиковались даже у базилианъ, несмотря на то, что изученіе славянскаго языка было введено въ курсъ обязательныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ базилианскихъ новиціатахъ²⁴⁰). Вообще богатая церковно-славянская письменность въ униатской церкви, особенно же въ базилианскихъ монастыряхъ, къ 20-мъ годамъ XVIII вѣка была повсемѣстно забыта и церковно-славянскій языкъ былъ понимаемъ весьма немногими. До какой степени дошло забвеніе церковно-славянскаго языка видно изъ того, что въ это время чувствовалась настоятельная потребность въ составленіи для униатскаго духовенства особаго руководства къ изученію церковно-славянскаго языка, каковое руководство и было издано въ 1722 году митр. Львомъ Кишкой подъ заглавіемъ: «Лексиконъ, сирѣчь словесникъ словенскій, имѣющъ въ

себѣ словеса первѣе словенскія, азбучныя, по семь же польскія, благопотребныя къ выразумѣнію словесъ словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ»²⁴¹). Такой словарь прилагался обыкновенно къ церковнымъ книгамъ²⁴²), и его важность и даже крайнюю необходимость высказываетъ самъ издатель въ предисловіи, которое читается такъ: «съ неисчетною болѣзью сердца и языно утробы неудобъ издѣльно избрѣли искусители или экзаменаторе, поставляемыхъ въ іерейство людей, яко *сотный* іерей едва словенскій разумѣть языкъ, не вѣдая, что чтенъ въ божественной службѣ съ погибелію своея и порученныхъ его паствѣ душъ, кровію Господа Бога нашего Иисуса Христа искупленныхъ, сіе же все искусно бысть (узано) текущего году, и мнози отринувши отъ рукоположенія на іерейство сія ради вини избрѣтошася. Сія вся нерадѣнія да въ Росіи соединеной искоренена будутъ, азбучный лексиконъ, съ его же не токмо до іерейскаго сану готовящіеся люди, но и сами іереи въ словенскомъ изученіи обрѣщаются языцѣ. Супрасьскаго монастыря типомъ издается съ толкованіемъ словесъ неудобъ разумѣльныхъ»²⁴³).

Кромѣ численнаго, много и другихъ подобныхъ злоупотребленій и уклоновъ отъ дисциплины наблюдалось въ жизни и практикѣ блага униатскаго духовенства. Но при огульномъ почти невѣжествѣ и бездѣятельности священниковъ безпорядки и нестроенія должны были коснуться, и дѣйствительно коснулись и остальныхъ сторонъ церковной жизни, какъ-то: ученія, обрядности и всего вообще устройства и управленія ун. церкви. Около времени Замойскаго собора безпорядки въ униатской церкви извнѣ и извнутри составляютъ самую существенную ея черту. Выше мы подробно раскрыли, сколько было привнесено въ униатскую церковь различныхъ латинскихъ нововведеній, тенденцій и установленій. Путемъ то споромъ, то объясненій, то разсказовъ, народныхъ повѣрій, пословицъ духъ латинства все болѣе и болѣе приражался къ жизни православныхъ, и въ душѣ посѣдѣвшихъ незамѣтно, безъ ихъ сознанія, рождалъ свойственныя ему расположенія и убѣжденія. Будучи прививаемы непосредственно одно за другимъ, эти убѣжденія и нововведенія не могли, конечно, тотчасъ вытѣснить все православно-русское и, по необходимости образовывали во всемъ какую то смѣшанность и запутанность.

Церковное ученіе не имѣло никакой системы и представляло странную помѣсь чисто латинскихъ мнѣній и вѣрованій съ древне-православными догматами. При своемъ невѣжествѣ въ умственномъ отношеніи и полнѣйшемъ незнаніи отличительныхъ свойствъ религіозныхъ ученій восточной западной церкви, приниженное униатское духовенство легко поддавалось и склонялось на сторону латинячъ. Что же касается базилианъ, то они иногда даже сознательно принимали многія латинскія заблужденія, хотя общее направленіе богословскаго ученія оставалось православно-русскимъ²⁴⁴).

Еще большая неопредѣленность и хаотичность замѣчается въ церковной обрядности. Благодаря исключительно употребленію до самаго конца XVII вѣка пра-

²³⁶ Ibid., 217 стр.

²³⁷ Чт. общ. ист. и древн., 1871 г., кн. II, отд. I, стр. 217.

²³⁸ Чт. общ. ист. и древн., 1871 г., кн. II, отд. I, стр. 217.

²³⁹ Чт. общ. ист. и древн., Сводн. гал.-рус. лѣт. съ 1600 г., стр. 6.

²⁴⁰ Славянскія грамматики издавались на латинскомъ и польскомъ языкахъ—Петрушевичъ, Сводная гал.-рус. лѣт., съ 1600 г., стр. 299.

²⁴¹ Чт. общ. ист. и древн., 1871 г., кн. II, стр. 220.

²⁴² *Educ. Litkowski, Dzieje Kości. Unicki, str. 35, прим.*

²⁴³ Чт. общ. ист., 1871 г., кн. II, стр. 220.

²⁴⁴ Ж. М. Н. П., 1871 г. дек., стр. 196—197.

вославныхъ церковныхъ книгъ²⁴⁴) уніатское богослуженіе въ общемъ и въ частности сохранило свой православный характеръ. Даже въ самыхъ моментахъ богослуженія, видоизмѣненныхъ въ духъ латинства, уніатская церковь, какъ мы выше показали, стояла ближе къ практикѣ православной, чѣмъ латинской. Принесенію въ нее особенностей латинскаго богослужебнаго ритуала помогало, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что не было одного для всѣхъ обязательнаго и имѣющаго законную силу служебника и требника. Существовало много изданій этихъ книгъ (Виленскія, Львовскія, Острожскія, Стратинскія и др.), но они не были согласены между собою и подведены подъ одинъ общій опредѣленный планъ. Каждый изъ издателей старался какъ бы удержать, сохранить мѣстныя своеобразности, и такимъ образомъ закрѣплялъ, дѣлалъ законнымъ то, что прежде сохранилось по преданію, а быть можетъ, и было пришло и считалось уклоненіемъ. Мало-по-малу богослужебныя книги особенно же служебникъ, требникъ и архіератиконъ наполнились многими латинскими вставками и переѣмками, не имѣющими часто ни мадѣйшаго отношенія къ вѣрѣ²⁴⁵. Тѣ изъ названныхъ богослужебныхъ книгъ, которыя болѣе другихъ заключали въ себѣ латинскихъ новшествъ, были особенно рекомендуемы ун. духовенству. Таковы напр. брѣвѣарій, исправленный и изданный (1643—1648) еп. Холмскимъ Меодіемъ Терлецкимъ, признанный самими базиліанами вполне согласнымъ съ новѣйшими римскими брѣвѣаріями²⁴⁷, или еще служебникъ (missale) митр. Кипріяна Жоховскаго (1693—1695 г.г.), «очищенный отъ схизматическихъ вѣдѣвъ» и «выгодно отличающийся предъ другими, употребляемыми въ русской уніатской церкви мшалами»²⁴⁸. Но несмотря на всѣ старанія ввести эти и подобныя изданія во всеобщее употребленіе, уніаты въ большинствѣ продолжали до самаго Замойскаго собора пользоваться прежними церковными книгами, которыя, хотя и разнились между собою, однако, во всякомъ случаѣ ближе стояли къ православной практикѣ, чѣмъ къ латинской. Наиболѣе распространены были Служебникъ (1629 г.) и Требникъ (1646 г.) Петра Могилы; по нимъ были составляемы уніатскіе служебники (напр. Львовскій служебникъ 1692 г.) и уніатскіе требники (напр. требникъ Аванасія Шептицкаго 1719 г., меньшій ун. требникъ 1720 г. и требники почаевскіе)²⁴⁹. Существовало, такимъ образомъ, въ обращеніи множество всевозможныхъ изданій церковно-богослужебныхъ книгъ, до которыхъ уніаты отравляли свое богослуженіе. Имъ некогда было сравнивать, какое изданіе лучше; надо было пользоваться тѣмъ, которое успѣвали прежде приобрести. Такъ какъ большинство уніатовъ всетаки предпочитали православныя книги, то отсутствіе одного канонизованнаго и общеобязательнаго типа уніатскихъ церковныхъ книгъ, который несомнѣнно получилъ бы сильную латинскую окраску, имѣло отчасти и выгодную сторону, именно—поддерживало тѣсную связь между православными и уніатами, особенно въ средѣ благаго духовенства и простого народа. Но для собственно уніатской церкви оно было крайне вредно, такъ какъ вносило въ

церковную обрядность страшную путаницу, хаосъ и неопредѣленность. Замойскій соборъ говоритъ о «бѣдствіяхъ настоящаго времени», въ виду которыхъ необходимо сказать нѣчто о совершеніи таинствъ (гл. 3)²⁵⁰. Подъ этими бѣдствіями должно разумѣть ничто другое, какъ чрезмѣрный произволъ и разнообразіе въ отравленіи церковныхъ службъ и таинствъ, исключющее всякое единство и порядокъ. Любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее письмо Эдуарда Ликовскаго, показывающее, какъ переплелись въ ун. церкви обычай и установленія правосл. церкви съ таковыми же церкви латинской: «Литургія у схизматиковъ и русскихъ унитовъ передъ Замойскимъ соборомъ, или лучше—передъ Жоховскимъ, всегда только пѣлае; одинъ только алтарь, заставленный царскими вратами, которыя часто запираются, особенно въ моменты освященія даровъ и причащенія лицъ духовныхъ; частицы хлѣба, лежація подлѣ Агнца или главной гостіи (hostyi), не освящаются по обычаю схизматиковъ; при произнесеніи словъ установленія: «примите, ядите»... вѣтъ у схизматиковъ адорации или поклоновъ; священникъ у нихъ никогда не возноситъ во время молитвы распростертыхъ рукъ горѣ, не благословляетъ людей чашей, но зато рукою часто благословляетъ съ произнесеніемъ: «благословеніе Господне на васъ»; мшаль лежитъ у нихъ въ продолженіе цѣлой литургіи на одномъ мѣстѣ по лѣвой сторонѣ и не переносится; епископы у нихъ обыкновенно благословляютъ двумя руками, иногда только одною, пальцы сложивши таинственно такъ, что два складываютъ, а тремя благословляютъ, и въ исповданіи вѣры не добавляютъ и «отъ Сана»²⁵¹.

Не менѣе спутанности и безпорядковъ наблюдалось и въ области церковно-административныхъ и іерархическихъ отношеній уніатской церкви въ началѣ XVIII в. Еще въ 1683 году базиліанскій генералъ Маргышкеничъ писалъ митр. Кипріяну Жоховскому, что «дѣла русскія находятся внѣ закона, и мы управляемъ произволомъ предстоятелей, statque pro ratione voluntas»²⁵². Это однаково прилично какъ къ базиліанскому ордену²⁵³, такъ и къ епархіальной администраціи. Въ епархіальномъ управленіи открывалось широкое поле для произвола и злоупотребленій. Никакихъ регулирующихъ нормъ не существовало ни для высшихъ іерарховъ, ни для ихъ помощниковъ по управленію епархіями, ни для низшаго духовенства,—каждый руководился собственнымъ усмотрѣніемъ и личнымъ интересомъ. Въ епархіальномъ управленіи уніатской церкви разсматриваемой эпохи мы не встрѣчаемъ коллегіальныхъ учреждений, на подобіе современныхъ консисторій. Правда, были уніатскіе капитулы, но они являлись скорѣе почетною корпораціей, чѣмъ административнымъ органомъ. Дѣла велись отдѣльными уполномоченными лицами, но безъ надлежащаго и строгаго выдѣленія для cadaго известнаго круга предмѣтовъ вѣдѣнія и наблюденія²⁵⁴. Такъ, существовали должности официала, визитатора, коадьюторовъ, экзаминаторовъ, декановъ, вице-декановъ и друг., явившіяся незамѣтно въ уніатской церкви, но мѣрѣ замѣщенія епископскихъ кафедръ базиліанами. Все эти должности были неизвѣстны раньше въ ун. церкви и, кромѣ

²⁴⁴ Pelasz, Geschichte der Union, б. II, с. 419.

²⁴⁵ Холм. календарь на 1872 г., стр. 113.

²⁴⁶ Лит. Ев. Вѣд., 1880 г., № 13, стр. 106.

²⁴⁷ Edw. Likowski, «Dzieje Kościoła Unickiego», str. 42. Pelasz, Gesch. der Union, б. II, с. 419.

²⁴⁸ Лит. Ев. Вѣд., 1880 г., № 113, стр. 107.

²⁵⁰ Synod. provinc., pag. 26, прилож. XVI стр.

²⁵¹ Dzieje Kościoła Unickiego w Poznaniu, 1880 г., str. 48.

²⁵² Труд. Киев. дух. акад., 1870 г., ноябрь, стр. 386.

²⁵³ Труд. Киев. дух. акад., 1871 г., май, стр. 232 и 235.

²⁵⁴ Неоматскій, стр. 132.

того, не имѣли никакой церковной санкціи, а потому не пользовались уваженіемъ среди благаго духовенства, особенно когда ихъ занимали базилиане. Антагонизмъ, раздѣлявшій базилианъ и бѣлое униатское духовенство, также какъ и высшихъ его представителей²⁵³), вообще вредно отзывался на теченіе дѣл епархіального управленія. Сами епископы униатскіе не могли много уделять времени заботамъ о благосостояніи своихъ епархій, не говоря уже о томъ, что они въ своей дѣятельности были связаны по рукамъ и ногамъ Римомъ.

С. К. Павловичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ чемъ заключается истинное счастье?

ЧАСТЛИВЫМЪ мы обыкновенно называемъ того, кто занимаетъ почетную должность, имѣетъ высокой чинъ, владѣетъ большимъ капиталомъ, проводитъ жизнь въ игрѣ и роскоши и т. п. Но если взглянемъ на жизнь очами вѣры, то увидимъ, что счастье живетъ и въ кругу людей незнатнаго происхожденія, среди бѣдности и нищеты, среди голода и холода. Одинъ знаменитый своимъ познаніемъ учитель встрѣтилъ какъ-то на церковной паперти нищаго старца. Изможденное тѣло его покрывало рубище, и онъ весь былъ въ ранахъ.

— «Добрый день тебѣ, старецъ!» сказалъ нищему въ привѣтствіе учитель. Нищій отвѣтилъ: «не помню, чтобы день былъ когда-нибудь несчастнымъ для меня». Учитель продолжалъ: «я желаю тебѣ счастья». Нищій сказалъ на это: «несчастливымъ и никогда не бывалъ».

Удивился учитель и, подумавъ, что нищій хорошо не вслушался въ его слова, присовокушилъ: «я желаю, чтобы ты былъ благополучнымъ». Нищій замѣтилъ, что «злополучнымъ» не бывалъ. «Ужели ты одинъ счастливѣецъ между всеми людьми,—въ совершенномъ уже недоумѣніи спросилъ учитель, —когда земная жизнь полна скорбей и лишеній?» «Несчастливъ тотъ, объяснилъ нищій, кто ищетъ счастья; а на землѣ нѣтъ иного счастья, какъ во всемъ полагаться на волю Божію; пріятное и противное, горькое и сладкое въ жизни принимаю всегда отъ Бога съ любовію и покорностію и желаю только того, что угодно Господу,—а потому все случается по моему желанію». (Нар. библ. «Кормчаго», кн. 3, 1903 г.).

²⁵³) Труд. Киев. дух. ак. 1870 г., ноябрь, стр. 401.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла новая книжка

„**РУСЬ И ПОЛЬША**“ краткая исторія для русскаго народа.

Цѣна 15 коп.

Для выписывающихъ не менѣе 25 экземпляровъ, цѣна книжки 12 коп. съ пересылкой.

Съ требованіями можно обращаться: въ г. Гродну, къ Епархіальному Наблюдателю церк. школъ, протоіерею **І. Корчинскому**.

1 сентября 1903 г. въ С.-Петербургѣ выходитъ
НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
НАУКИ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н Е В А ОДИНЪ
РУБЛЬ

Е Цѣна со всеми приложениями съ пересылкой и доставкой въ Россію въ годъ три руб.

В Теперь принимается подписка только до 1 января 1904 г., за четыре мѣсяца съ доставкой и пересылкою одинъ рубль.

А При этомъ подписчики за этотъ рубль получаютъ, кромѣ журнала,

1) Большой томъ собранія сочиненій извѣстнаго русскаго писателя.

2) Большой томъ „Исторіи Екатерины Великой“ съ портретами и рисунками.

Пробный номеръ для ознакомленія высылается желающимъ за одну семикопѣчную марку.

Контора журнала: С.-Петербургъ, 3 рота, д. № 10.

Отвѣтственный редакторъ **М. Р. Васильева**.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ

НА ВЕСЬ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

самый большой магазинъ

В. М. Фоломина

въ Киевѣ,

Подоль, Александровская ул., сов. домъ.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕСПЛАТНО.

Содержаніе № 36.

Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.—Важныя мѣста.

Отдѣлъ II. Хроника.—Слово въ день Успѣшенія св. славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.—Опытъ исторіи Замоискаго униатскаго провинціального собора (1720 г.) (продолженіе).—Объявленія.

Редакторъ **Каведраальный Протоіерей Николай Дикоевскій.**